

Лина К. Дорн

Два бойца одного ринга

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лина Дорн

Два бойца одного ринга

<https://litres.ru/74408967>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она привыкла просыпаться за две минуты до будильника, прятать шрамы под чёрными бинтами и играть роль идеальной дочери. Он не спит десять лет, носит на теле карту своей боли и держит город в страхе. Они — два бойца одного ринга, которые никогда не должны были встретиться.

Но когда он приходит за ней, она делает единственный возможный выбор. Только этот выбор может стоить ей всего. Или дать то, чего она никогда не искала.

Их история — не просто борьба за власть. Это игра, где ставка выше, чем жизнь. И тот, кто первым отведёт взгляд, проиграет не только битву.

Содержание

Дисклеймер	4
Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Два бойца одного ринга

Дисклеймер

Данная книга предназначена исключительно для взрослой аудитории (18+) и содержит сцены физического и психологического насилия, включая домашнее насилие, похищения, пытки и убийства. В произведении присутствуют описания самоповреждения и последствий травм (шрамы, раны), а также откровенные и жёсткие сексуальные сцены. Затрагиваются темы психического здоровья: депрессия, тревожность, ПТСР, созависимость. Показаны элементы криминального мира: оружие, смерть, месть, контроль и манипуляция.

Все персонажи, события и организации являются вымышленными, любые совпадения с реальными людьми случайны. Автор не оправдывает и не романтизирует насилие или абьюзивные отношения; книга исследует тему силы духа, исцеления и личного выбора.

Читая эту книгу, вы принимаете на себя ответственность за своё эмоциональное состояние. Пожалуйста, делайте паузы, если материал становится слишком тяжёлым, и заботьтесь о себе.

Глава 1

Она просыпается за две минуты до будильника. Всегда за две минуты.

Ванесса Блэквуд лежит неподвижно, глядя в белый потолок. Стеклянная люстра отражает серый утренний свет, комната похожа на операционную. Белые стены, белые шторы, белый гардероб. Отец заплатил за этот стерильный ад, даже не спросив, хочет ли она в нём жить.

Она садится, проводит рукой по волосам — чёрный шелк до поясицы, густой, с природным объёмом у корней. Природа расщедрилась на эту роскошь, и Ванесса знает: это первое, что замечают люди. Второе — губы. Полные, яркие, слишком чувственные для её ледяного лица. Она смотрит на себя в зеркало на стене: острые скулы, тонкий нос, глаза — светло-голубые, как кусочки льда, — и этот рот, который никогда не улыбается по-настоящему.

Здесь никто не видит меня. Никто не видит синяков.

Она поднимает левую руку, смотрит на запястье. Под тонкой кожей — едва заметные белые линии. Старые шрамы. Мать оставила их, когда Ванессе было двенадцать. Ногти, впивающиеся в кожу, и шёпот: «Ты моя, ты никуда не уйдёшь». Она носила длинные рукава тогда. Теперь носит бинты.

Ванесса встаёт, идёт в гардеробную — холодную, идеально организованную, пахнущую деревом и чужими деньгами. Она выбирает чёрные капроновые колготки — плотные, матовые, без блеска. Они скрывают синяки на ногах. Затем платье — чёрное, в тон волосам, облегающее, с коротким рукавом до локтя. Оно открывает запястья, и она чувствует себя голой. Поэтому достаёт чёрные бинты.

Два метра ткани. Чёрной, хлопковой, плотной. Ванесса садится на пуфик и начинает наматывать их на кисти — медленно, ритуально, с закрытыми глазами. Каждый виток — слой защиты. Каждый узел — напоминание о том, что она не та девочка, которая молчала, когда мать впивалась в её руки.

Ты не будешь слабой. Ты не будешь жертвой. Никогда.

Она затягивает последний узел, проводит пальцами по бинтам — гладким, прохладным. Потом консилер — на шею, на ключицы, под глаза. Всё. Никакой помады — губы яркие сами. Ресницы нарощены, брови выщипаны — единственное, что она делает для себя.

Десять минут. И она готова быть чужой.

В офисе отца пахнет дорогим деревом и чужими деньгами. Судья Блэквуд сидит за столом с панорамными окнами, и его руки лежат на столе, как два бледных орудия правосудия. Он слышит тяжёлое цоканье её каблучков — она носит

их каждый божий день — и не поднимает головы.

Опоздала. Какая разница. Я должен держать её в тонусе, иначе она начнёт думать, что может выбирать. А выбирать ей не позволено.

— Ванесса, — голос сухой, как корочка хлеба. — Ты опоздала.

Она не спорит. Садится напротив, скрещивает ноги. Чёрные колготки блестят под лампой. Судья поднимает взгляд и видит платье, волосы, губы — и внутри закипает глухой страх, который он носит уже шестнадцать лет.

Опять она вырядилась, как её мать. Та же чёрная грива, тот же вызывающий рот. Тогда, в двенадцать, она сидела за этим же столом в кофте с длинными рукавами, и он заметил кровь на манжете. Он спросил: «Что это?» Она посмотрела на него, и в её глазах была такая тишина, что он испугался. Он не повторил вопроса. С тех пор он боится смотреть на её руки. И говорит про платье.

— Ты выглядишь неподобающе. Слишком вызывающе. У тебя встреча с советником, а ты выглядишь как...

Он не договаривает. Ванесса опускает глаза. В этом движении — смирение, за которым он не видит стальных пружин. Но он знает, что они там. Он всегда знал.

Если я скажу «как шлюха» — она встанет и уйдёт. И я останусь один. Как в тот день, когда ушла её мать.

— Я переоденусь, — говорит она тихо.

— Уже поздно. Иди на встречу. И улыбайся, Ванесса, улы-

байся! Ты должна быть милой. Это твоя ра-бо-та.

Она выходит, и он смотрит ей в спину. Её волосы качаются при ходьбе — чёрные, тяжёлые. Он помнит такие же волосы, разметавшиеся по подушке, когда жена лежала в больнице и шептала: «Я не хочу, чтобы она была такой, как я». Он не ответил тогда. Он ничего не ответил.

Встреча с советником длится час. Мистер Хейл — толстый мужчина с седой щетиной — сидит напротив и говорит о контрактах, но его мысли заняты другим.

Он смотрит на её рот, пока она говорит, и думает: сколько стоит разморозить такую ледяную королеву? Блэквуд вырастил дочь как трофей, но она слишком далека, чтобы её коснуться. Хотя такие, как она, падают громче всех — стоит только найти правильный рычаг.

Ванесса видит его взгляд. Чувствует, как он ползёт по её губам, и внутри поднимается холодная волна отвращения.

Старый козёл. Если бы не отец, я бы разбила ему нос об этот стол. А потом бинтовала бы руки с новым чувством — чистым и честным.

Но она улыбается, когда нужно. Смеётся над его плоскими шутками. Кивает. Её пальцы под столом сжимаются в кулаки — ногти впиваются в ладони, оставляя полумесяцы боли.

— У вас красивые губы, мисс Блэквуд, — говорит он, об-

лизывая свои. — Как у актрисы из старого кино.

— Спасибо, мистер Хейл, — отвечает она с ледяной улыбкой.

Если он скажет ещё хоть слово о моих губах, я встану и уйду. Плевать на отца. Плевать на всё.

Но он замолкает, встреча заканчивается. Когда он уходит, она сидит в конференц-зале одна, глядя на город.

Он прав. Мои губы слишком яркие. Но я не буду их прятать. Это моё единственное оружие, которое я не прячу под бинтами. Моя мать тоже была яркой, но она была на этом заиклена. И это её погубило. Но я не она. Я сильнее.

Обед. Ресторан в центре, столики на улице, пахнет кофе и осенними листьями. Её подруга Лейла — дочь чиновника, с идеальным маникюром и пустым взглядом — уже ждёт её.

Она смотрит, как Ванесса садится, как поправляет платье, как скрещивает ноги, и внутри просыпается привычная смесь зависти и презрения.

Опять она в этом чёрном. Вечно как на похороны. И эти волосы... ну почему у неё такие волосы? А у меня — жёсткие, ломкие, хоть я и трачу на них целое состояние. И губы эти. Природа, блин, любит одних больше, чем других. Хотя она даже помаду не носит, а они у неё — как у порнозвезды. Но она слишком холодная, чтобы их использовать. Дура.

Вслух она говорит:

— Ты выглядишь уставшей, Ванесса.

— Я сплю нормально.

— Ты всегда так говоришь. У тебя под глазами тени.

Лейла жуёт салат и думает: Может, она принимает что-то?

Или наркотики? Было бы забавно — идеальная дочка судьи с иглой в вене. Может, у неё там, под этой маской, — ад.

Ванесса касается лица, понимая, что консилер стёрся. Но ей всё равно.

— Я много работаю, — отвечает она.

— Твоя «работа» — это подписывать бумажки, которые подписал бы твой отец, — фыркает Лейла. — Ты могла бы заняться чем-то другим. Открыть бутик. Или выйти замуж.

— Замуж? — бровь Ванессы поднимается.

— Ну да. Ты красивая. У тебя губы, волосы, фигура. Почему ты до сих пор одна?

Ванесса смотрит на подругу и видит насквозь. Она хочет, чтобы я была такой же несчастной, как она. Чтобы я вышла замуж за какого-нибудь скучного богача и превратилась в зомби. Чтобы я перестала быть угрозой. Чтобы я перестала быть свободной.

— Ещё не встретила подходящего, — говорит она.

Лейла пожимает плечами. Ну и чёрт с тобой. Скоро скиснешь, как все.

Четыре часа дня. Ванесса возвращается домой, закрывает шторы во всех комнатах — сначала темнота, потом она. Это главное правило.

Она снимает платье, колготки, бинты. Открывает ящик, который всегда держит под замком, — внутри свежие бинты, перчатки, старое полотенце. Включает запись боя — 80-е, хриплый голос комментатора, шум толпы.

В эти моменты я настоящая. Такая, какой хочу себя видеть сама, а не построенная по лекалам отца.

Через пять минут в дверь звонят. Тренер — старый, седой, хромой, с глазами, которые видели больше, чем он говорит, — проходит в квартиру, не глядя на роскошь — хотя с другой стороны, для Лейлы её квартира кажется «бедной» из-за отсутствия излишнего пафоса. Он садится на кухне, наблюдая, как она бинтует кисти.

Опять она напряжена. Вчера я оставил ей синяк на боку — она даже не поморщилась. Сколько можно терпеть? Её отец скоро сломает её, если она не уйдёт. Но она не уйдёт. Она боится. Она всегда боялась, что станет как мать. А я не знаю, как ей сказать, что она уже не станет. Она сильнее.

— Ты вчера была напряжена, — говорит он. — Расслаблялась?

— Я расслабляюсь только здесь.

— Я знаю. Потому и пришёл.

В гостиной раньше стоял обеденный стол посередине комнаты но чуть ближе к стене, но теперь тут висит боксёрская груша, у окна к стене придвинут белый диван, на котором разместился как обычно тренер, а напротив висит огромный плазменный телевизор. Так как комната большая, всему хватило место и достаточно пространства чтобы можно было боксировать.

Груша тяжёлая, кожаная, со следами бесчисленных ударов. Ванесса подходит к ней, касается пальцами шершавой поверхности и начинает бить. Первый удар — лёгкий, разминочный. Второй — сильнее. Третий — в полную силу. Она не считает удары, она слушает своё тело: как растягиваются мышцы, как сжимаются кулаки, как воздух со свистом вырывается из груди.

Мама. Если бы ты видела меня сейчас. Ты хотела, чтобы я была твоей. Но я стала собой. Я стала той, кто не позволит себя сломать.

Тренер смотрит на её спину, на то, как двигаются мышцы под кожей, и думает: Она бьёт не в ярости. Она бьёт в боли. Каждый удар — это крик о помощи, который она никогда не произнесёт вслух. Когда-нибудь она сломает себе руки, если не научится прощать.

— Хватит, — говорит он через час.

Она останавливается. Пот стекает по лицу, смешиваясь с остатками консилера. Волосы собраны в хвост, у корней они

мокрые; глаза горят, зрачки расширены, как у зверя, губы приоткрыты. Она выглядит как воительница — и как раненый зверь одновременно.

— Что с тобой?

— Ничего.

— Ванесса, ты думаешь, я не вижу тебя насквозь?

Она вздыхает, садится на пол, прислоняется к стене. Смотрит на свои руки — сбитые костяшки, мозоли и шрамы на предплечьях.

— Отец. Он опять сказал, что я выгляжу неподобающе. Что я должна быть милой. Что я должна... — она замолкает.

Тренер смотрит на неё. Она не скажет. Она никогда не скажет, что он боится её. Что он всегда боялся. Но я знаю. Я видел их, когда ей было двенадцать. Он смотрел на её руки и молчал. А она смотрела на него и ждала, что он спросит. Он не спросил. И она перестала ждать.

— Ты не должна быть ничем, — говорит он тихо. — Ты должна быть собой. И если ты не можешь быть здесь — уходи.

Она смеётся. Но смех выходит сухим, ломаным, похожим на всхлип. Она зажимает рот ладонью, но смех всё равно прорывается сквозь пальцы. Тренер молчит. Он даёт ей время. Наконец она опускает руки, смотрит на свои кулаки и говорит тихо, хрипло:

— Куда я уйду? У меня нет денег, нет профессии, есть только фамилия, которую я ненавижу.

— У тебя есть руки. И это оружие.

Она смотрит на свои кулаки. Он прав. У меня есть руки. И я умею ими пользоваться. Если я когда-нибудь вырвусь — я сломаю нос тому, кто попытается меня остановить. Даже если это буду я сама.

Вечер. Ванна. Горячая вода обжигает кожу, и она смотрит на свои руки. Бинты сняты, шрамы видны — тонкие белые линии от локтя до запястья. Она касается их пальцами.

Двенадцать лет. Тот же вечер, та же ванна. Она прячет руки под воду, чтобы не видеть кровь. Мать стоит в дверях, смотрит на неё пустыми глазами и шепчет: «Ты моя, ты никуда не уйдёшь». А Ванесса молчит. Она всегда молчит.

Но теперь она не молчит. Она шепчет в пустоту:

— Мама, ты хотела, чтобы я была твоей. Но я стала собой. И я не стану тобой. Я не буду слабой. Я не буду ломаться. Я буду бить.

Она закрывает глаза. Капли падают с крана — тихо, ровно. Единственный честный звук в её жизни.

Завтра будет новый день. И снова я проснусь за две минуты до будильника. И снова надену чёрные колготки. И снова буду улыбаться тем, кого ненавижу. И ничего не изменится.

Но она ошибается.

Потому что завтра в её дверь позвонят. И всё, что она зна-

ла о себе, о своей силе, о своей клетке, будет поставлено под сомнение. Одним ударом. Её ударом.

А пока она засыпает, думая о том, как падают капли, и о том, что в этом звуке есть что-то настоящее.

Единственное настоящее в её жизни.

Глава 2

Он не спит уже третий час.

Тьма вокруг — густая, тягучая, как старая кровь. Дрейк Роудс лежит на спине, глядя в потолок — чёрный, матовый, без единой трещины. Вокруг — стеклянные стены, панорамные окна, за которыми ночной город мерцает огнями, как рассыпанные угли.

Он сам выбрал этот этаж. Сам заказал эту комнату, эту мебель, эту жизнь. Последний, восемьдесят восьмой этаж — здесь спальня, гостиная, кухня, ванная с отдельным душем. Этаж ниже — бассейн. А ещё ниже — личный зал для тренировок. Весь небоскрёб принадлежит ему, но три верхних этажа — только его, никто не ступает туда, кроме его «правой руки».

Он садится, трогает шрам поперёк носа — тонкую белую линию, проходящую прямо между глаз. Десять лет прошло. Брат оставил его в ту ночь, когда всё началось и закончилось.

Дрейк встаёт и идёт в кухонную зону. Босые ноги ступают по холодному чёрному камню. В пентхаусе нет дверей — только открытые пространства, разделённые видами света и покрытием пола. Кухня встречает его идеальным порядком: чёрный гранит, матовая сталь, ни одной лишней вещи. Он сам обустроил этот этаж, выбирал каждый шкаф, каждую

ручку. Потому что может. Потому что у него есть деньги, власть и право решать.

Дрейк достаёт виски, откручивает пробку и запрокидывает голову. Жидкость льётся в горло — тёплая, терпкая, обжигающая.

Она входит не так, как вода. Вода скользит по пищеводу легко, за несколько секунд достигает желудка и через пять минут всасывается в кровь, разносится по клеткам, питает, восстанавливает. Виски — другое. Он обжигает глотку, как наждак. Надгортанник захлопывается, но несколько капель уже рвутся в дыхательные пути — он кашляет, глухо, привычно. Жидкость проваливается в пустой желудок, задерживается на мгновение и устремляется дальше, в кишечник, где почти сразу впитывается в капилляры. Через минуту алкоголь уже в его венах, разносится по телу, дотягивается до каждой клетки. Он чувствует, как кровь густеет, как сердце бьётся тяжелее, как алкоголь добирается до мозга, притупляя углы, сглаживая боль.

Виски не даёт жизнь. Он даёт забвение.

Дрейк опускает бутылку, вытирает губы тыльной стороной ладони. Жжение внутри уже привычное — он почти не замечает его. Только пустоту. И тишину.

Шесть утра. Небоскрёб просыпается вместе с ним. Дрейк

спускается на лифте на этаж кабинета — восемьдесят пятый. Он тоже спроектировал его сам: стены — рейки из чёрного дерева, мебель — чёрная кожа, на полу — грубый серый, почти чёрный матовый камень. Но огромный круглый стол — единственное яркое пятно: он цвета пролитого вина или подсыхающей крови. Панорамные окна открывают вид на город внизу — серый, холодный, покорный. Город, который он держит в кулаке.

В дверь стучат. Его помощник входит с папкой в руках.

— Дрейк, у нас проблема. Поставка в порту зависла.

Дрейк не оборачивается.

— Реши.

Дрейк медленно поворачивает голову к помощнику. Его глаза — тёмные, почти чёрные — смотрят сквозь него, как сквозь пустое место.

— Я сказал, реши.

— Но там люди судьи Блэквуда. Они не пропускают...

— Я слышал. Позвони в порт, — говорит Дрейк, не оборачиваясь. — Скажи, что я приеду через час. И чтобы те, кто перекрыл канал, ждали меня у входа.

Помощник открывает рот, чтобы что-то сказать, но Дрейк поворачивается, и слова застревают у того в горле.

— Я сказал — сделай.

Помощник исчезает.

Час спустя Дрейк стоит в порту. Серый бетон, запах соли и мазута. Трое мужчин в форме охраны — люди судьи Блэквуда — смотрят на него с наглой уверенностью. Они не знают, кто он. Они думают, что он просто очередной бизнесмен, который пришёл жаловаться.

— Мистер Роудс, — говорит один из них, выступая вперёд. — У нас приказ. Никто не проходит. Вы можете обжаловать это через суд.

Дрейк смотрит на него. Молча. Секунду. Две. Потом делает шаг вперёд.

— Ты знаешь, кто я?

— Я знаю, что ты никто, — ухмыляется охранник.

Дрейк не улыбается. Он просто бьёт — резко, коротко, в горло. Охранник падает на колени, хватаясь за шею, пытаясь вдохнуть, но воздух не идёт. Двое других замирают, глядя на него, но не двигаются.

Дрейк подходит к упавшему, наклоняется, берёт его за волосы, заставляя поднять голову. Голос тихий, почти шёпотом:

— Ты ошибся. Я — тот, кто решает, кто здесь никто. Если ты хочешь жить, ты передашь судье, что его люди больше не работают в этом порту. Если нет, то первой испытательной крысой будешь ты. — Он отпускает волосы, и охранник падает лицом в бетон. Дрейк вытирает руку о штаны, поворачивается к остальным.

— Вы поняли?

Они кивают. Слишком быстро. Слишком испуганно.

Дрейк идёт к машине, не оглядываясь. Он не смотрит на упавшего. Ему всё равно.

Обед. Дрейк не спускается в рестораны без необходимости — а необходимость это только рабочая встреча. Он ест в гостиной на верхнем этаже. Чёрный дуб, матовые светильники, ни одной светлой детали. На столе — три прибора. Его, матери и брата. Он всегда накрывает на троих, хотя знает,

что они никогда не сядут рядом с ним.

Мать умерла, когда ему было пятнадцать. Брата он убил два года спустя.

Он смотрит на пустые стулья. Внутри — привычная тупая боль, которую он давно перестал называть виной.

Ты сделал это, чтобы выжить. Он бы убил тебя первым.

Но боль не уходит. Он встаёт и спускается на лифте на этаж тренировочного зала — восемьдесят шестой.

Зал — его убежище. Бетонные стены, запах пота и старого ринга. Здесь он снимает маску. Рубашка летит на пол, свет лампы падает на его спину.

Вся кожа от шеи до поясницы — это чёрная графика, похожая на трещины, которые разбегаются от позвоночника в разные стороны. Никаких образов. Только линии, пятна, углы и пустота. Густая тушь, которая растекалась по коже, оставляя нервные, рваные следы. Он выглядит так, будто его разбили молотом, и осколки застыли под кожей.

Дрейк подходит к груше, начинает бить. Удары — тяжёлые, размеренные. Он не вкладывает в них злость. Он вкладывает память.

Брат. Лицо. Кровь.

Он бьёт, пока мышцы не начинают гореть, пока дыхание не сбивается. Пот стекает по спине, и татуировки кажутся

живыми. Он смотрит на свои руки — сбитые костяшки, старые шрамы, мозоли. Те же руки, что сломали брату челюсть. Те же руки, что держат город в страхе.

Вечер. Дрейк снова в кабинете на восемьдесят пятом этаже. Помощник приносит папку — тоньше, новее.

— Досье на судью Блэквуда и его семью. Как вы просили. Дрейк кивает. Помощник исчезает. Он открывает папку, перелистывает сухие факты: возраст, доходы, связи. Потом натывается на раздел «Семья».

Одна строка.

Дочь. Двадцать четыре года. Архитектор. Работает в компании отца.

И больше ничего.

Дрейк почти закрывает папку, но на последней странице замечает вложенную фотографию. Девушка. Чёрные волосы до пояса, светлые глаза, яркие губы. Она смотрит в камеру без улыбки — и в её глазах он видит знакомую пустоту. Ту же, что носит в себе.

Он задерживает взгляд на фото дольше, чем нужно.

Он смотрел на её фото и чувствовал то же, что чувствовал, глядя в зеркало каждое утро. Она была пустой. Как и он. Он должен был понять, кто она. Не дочь судьи. А та, кто смотрит в зеркало и не видит себя.

Он перечитывает строку о работе. Архитектор. Она проектирует чужие дома. Но свою жизнь ей не дали спроектировать. Как и ему когда-то — но он хотя бы выбрал цвет своих стен.

Дрейк закрывает папку и кладёт на край стола. Завтра он поедет к ней. Не для угроз. Не для давления. Просто чтобы посмотреть в её глаза. Увидеть ту же пустоту, которую он носит внутри себя.

Ночь. Дрейк стоит у панорамного окна в своём пентхаусе. Город внизу мерцает огнями. Он смотрит на своё отражение в стекле — на свои глаза, тёмные, почти чёрные.

Двадцать четыре. Архитектор. Работает на отца.

Он прокручивает в голове её лицо с фотографии. Чёрные волосы. Ледяные глаза. Она не знает, что он идёт. Не знает, что её жизнь изменится через несколько часов.

Он понимает, что это глупо. Он не должен ехать сам. У него есть люди, которые сделают это за него. Но он хочет увидеть её лицо, когда она поймёт, кто он.

Почему?

Он не отвечает. Просто стоит и смотрит на ночной город, пока за окнами не начинается сереть рассвет.

Глава 3

Следующий день тянется как резина.

Ванесса просыпается за две минуты до будильника, как всегда, но внутри — странная тяжесть. Она помнит, как засыпала под звук капающей воды, и впервые за долгое время ей снилось что-то, кроме пустоты. Лицо. Мужское. С тёмными глазами и шрамом поперёк носа.

Она отмахивается от этого образа, как от мухи. Надевает чёрное платье, наматывает бинты, едет к отцу. Всё как обычно. Он снова говорит, что она выглядит неподобающе. Она снова опускает глаза. Обед с Лейлой — снова пустые разговоры, снова зависть, которую она видит насквозь.

Но внутри — напряжение. Как будто воздух сгустился. Как будто что-то должно случиться.

К четырём часам она возвращается домой, закрывает шторы, снимает платье, колготки, но бинты оставляет. Открывает ящик под замком, включает другую запись боя, бьёт грушу до пота. Тренер не приходит — она сказала ему отдыхать, хотя на самом деле хотела побыть одна.

Вечером она заваривает чай, садится на белый диван, смотрит на город за окном. Завтра — новый день, но не то чтобы он будет «новым».

Домофон разрывает тишину в четверть восьмого.

Ванесса вздрагивает. Ставит кружку на столик, подходит к панели. На экране — ничего. Только чёрный прямоугольник, но она знает: кто-то внизу закрыл камеру рукой.

— Кто? — Она нажимает кнопку.

Голос с той стороны — низкий, спокойный, до краёв заполненный уверенностью человека, который привык, что двери перед ним открываются сами.

— Дрейк Роудс. Мне нужно поговорить с тобой.

Сердце пропускает удар. Она знает это имя. Все знают это имя. Судья Блэквуд упоминал его за ужином — сквозь зубы, с такой ненавистью, будто выплёвывал яд.

— Я не знаю тебя, — отвечает она, и голос звучит ровно, хотя внутри всё сжимается.

— Зато я знаю твоего отца. И нам есть о чём поговорить.

Она молчит. Смотрит на свою пижаму и чёрные бинты, которые так и не сняла. На босые ноги. Он не должен видеть её такой. Не сейчас. Не когда она не готова.

— Жди внизу. Я спущусь.

— Я уже у двери Ванесса, твой консьерж оказался очень сговорчивым, — с усмешкой сказал он — так что открывай дверь принцесса, я жду.

У неё внутри — холодный яростный озноб. Она не знает, как он попал в подъезд, но это неважно. Он здесь. И он не уйдёт, пока не получит, что хочет.

Ванесса отпускает кнопку, на мгновение замирает, глядя

на свою пижаму. Потом идёт в гардеробную, натягивает чёрное облегающее платье с коротким рукавом, хватая первые попавшиеся колготки — плотные, матовые. На запястьях — чёрные бинты.

Он врывается в мой дом, в мою ночь, в мою тишину. Он не имеет права.

— Иду, — бросает она в воздух, хотя он не слышит.

Дверь открывается, и она видит его.

Он заполняет собой весь дверной проём. Рост — почти два метра, плечи — как перекладина. Чёрный костюм, рубашка расстёгнута на три пуговицы, под ней — татуировка, уходящая вверх на шею. Волосы коротко стрижены по бокам, сверху взлохмачены. Лицо жёсткое, скулы выступают, и прямо между глаз — тонкий белый шрам, который рассекает переносицу. Он смотрит на неё — и в его глазах, чёрных, почти без зрачков, — нет ничего. Только выжидающая тишина.

А рядом с ним — фон. Её квартира. Белая. Стерильная. Чужая. Он видит это.

За его спиной, в коридоре, она замечает ещё две фигуры — массивные плечи, напряжённые позы. Охрана. Двое. Они стоят неподвижно, как статуи, но их взгляды прикованы к ней. Она видит, как один из них делает едва заметный шаг

вперёд, когда Дрейк переступает порог. И в этом движении — привычка защищать. Но Дрейк поднимает руку — ладонь обращена к ним — и они замирают. Без слов. Без вопросов.

Этот жест — он видит. И понимает: его люди подчиняются ему мгновенно, как части одного организма.

Она не отводит взгляда.

— Что тебе нужно? — она говорит холодно, резко, вставая между ним и комнатой.

Он делает шаг вперёд. Она не отступает. Он выше почти на тридцать сантиметров, но её голова вскинута, взгляд — как лёд.

— Я пришёл поговорить о твоём отце.

— Он не здесь, — она сжимает кулаки, и чёрные бинты натягиваются. — И если ты думаешь, что я стану передатчиком твоих угроз...

— Нет. — Он усмехается одними глазами. — Я пришёл не к нему. Я пришёл к тебе.

Ванесса чувствует, как кровь приливает к лицу. Он не угрожает. Он просто констатирует факт. Как будто она уже принадлежит ему. Как будто он решил, что она — часть его игры.

— Я не знаю, что ты обо мне слышал, но я не из тех, кто...

— Я знаю. — Он смотрит на её бинты, гадая, что же она под ними скрывает, — это то, чего он не знает, и это начинает его раздражать. А её очень напрягает, как он смотрит на её руки, поэтому она убрала их с дверного проёма за спину.

— Но я пришёл не за твоими секретами. Я хочу посмотреть тебе в глаза.

Она смотрит. В его глазах — пустота. Та же, что она видит в зеркале каждое утро. И это бесит её больше, чем угроза.

— Значит, ты думаешь, что можешь просто прийти...

— Я могу всё.

Он говорит это ровно, без нажима. Без хвастовства. И она понимает — это правда. Он может.

Но она — не тряпка.

— Тогда, — она улыбается, и это не улыбка — оскал, — я покажу тебе, что я тоже могу.

И бьёт.

Удар — короткий, резкий, от бедра, всей массой тела, в челюсть. Она вкладывает в него всю свою злость. На отца. На белую комнату. На пустоту, которую он посмел в ней узнать.

Дрейк не успевает среагировать. Его голова дёргается в сторону, и он падает на одно колено, ударяясь плечом о стену. Секунду он просто сидит, опустив голову, — огромный, чёрный, неподвижный.

И в эту секунду за его спиной — взрыв. Охрана делает синхронный шаг вперёд, и Ванесса видит, как они тянутся к оружию. Лица перекошены от неверия и ярости. Один из них уже открывает рот, чтобы закричать, но Дрейк поднимает руку — даже не глядя в их сторону. Просто поднимает ладонь — и они застывают. Как вкопанные. Слышно только их тяжёлое дыхание.

Дрейк медленно поднимает голову, касается пальцами челюсти, смотрит на кровь. И — улыбается. Не злобно. Не угрожающе. А так, как будто она сделала ему подарок.

— Ты, — говорит он, поднимаясь на ноги и смахивая кровь с губы. — Ты настоящая.

Он делает шаг вперёд, и она снова сжимает кулаки. Но он не трогает её. Он смотрит на неё — и его глаза больше не пустые. В них горит что-то новое, опасное, живое.

Потом он протягивает руку, медленно, почти невесомо, и касается её подбородка. Два пальца — холодные, чуть шершавые — приподнимают её лицо, заставляя смотреть прямо в его глаза.

— Ты не боишься меня, — говорит он, и это звучит не как вопрос, а как открытие. — Ты боишься себя. И того, что я могу в тебе увидеть.

Она дёргается, отшатывается, но он уже убирает руку. Он не настаивает. Он просто смотрит на неё сверху вниз, и в его взгляде — уверенность, которая говорит больше, чем слова.

За его спиной охрана переглядывается. Они всё ещё в шоке, но уже не двигаются. Ждут его приказа. Но Дрейк не смотрит на них.

— Теперь я не уйду, — говорит он.

Глава 4

Он не ждёт приглашения.

Дрейк переступает порог, и Ванесса чувствует, как воздух в квартире сгущается. Она делает шаг назад, пытаясь сохранить дистанцию, — он заполняет собой весь проём, входит следом, и она снова отступает, уже в коридор. Коридор тянется за её спиной, длинный, узкий, и она мечтает, чтобы в нём было больше места.

Он идёт за ней, не ускоряясь, но сокращая расстояние с каждым шагом. Она упирается руками в его грудь, пытаясь остановить, оттолкнуть.

— Ты не войдёшь, — говорит она, и голос срывается. — Ты не имеешь права...

Он не слушает. Он просто берёт её за талию — легко, как пустую вещь, — поднимает и переставляет глубже по коридору, ставит на ноги и проходит мимо, даже не оглянувшись.

— Дрейк! — кричит она ему в спину. — Ты не можешь просто...

Он уже в гостиной.

И останавливается.

Ванесса вбегает следом, готовая кричать, бить, снова сломать ему нос, но замирает, потому что он просто стоит — огромный, чёрный, чужой — и смотрит на её гостиную.

Белый диван у окна. Огромный плазменный телевизор напротив. И — посередине комнаты, чуть ближе к стене — боксёрская груша. Тяжёлая, кожаная, вся в следах от ударов.

Дрейк смотрит на неё долго. Смотрит так, как будто она только что заговорила.

А потом переводит взгляд на неё. На её руки. На чёрные бинты.

— Это, — говорит он тихо, почти шёпотом, — то, что ты скрываешь?

Ванесса не отвечает. Она стоит в проходе, сжав кулаки, готовая драться, хотя знает — он в два раза больше, он сильнее, он может сломать её, если захочет.

Но он не хочет.

Он отворачивается от груши, медленно обходит гостиную — изучает её белую клетку. Проводит пальцем по подоконнику, по спинке дивана, будто собирает улики. Останавливается у закрытого ящика. Дёргает за ручку — заперто. Усмехается.

— Твой отец покупает тебе белые стены. А ты прячешь ключи от себя самой.

Она молчит. Она ненавидит его. Она ненавидит, что он всё понимает.

— Что тебе нужно? — повторяет она, и в голосе уже не злость, а усталость.

Дрейк поворачивается к ней. Медленно опускается на белый диван — чужой, слишком светлый, слишком правиль-

ный для него. Он откидывается на спинку, и вместо того чтобы скрестить ноги, как делают все, он поднимает правую ногу, кладёт голеностоп на левое колено, чуть разворачиваясь вполоборота к ней.

Этот жест — небрежный, почти расслабленный. Но она видит: он не просто сидит. Он занимает пространство. Его колено торчит в сторону, рука свободно лежит на подлокотнике, корпус чуть развёрнут — открытый, уверенный, не требующий защиты. Он не боится её. Он не ждёт удара. Он чувствует себя здесь хозяином, даже на её белом диване.

Ванесса сжимает челюсть. Этот жест говорит ей больше, чем слова: я не уйду, я не боюсь, я здесь, чтобы решать.

— Твой отец, — говорит он медленно, как неразумному ребёнку, — полез туда, куда маленьким мальчикам лезть не надо. Он перекрыл каналы, которые не должен был трогать. Он думает, что может влиять на мои дела. И он ошибается.

— Это твои проблемы, — отрезает она. — Я не имею к этому отношения. И отец мой не маленький, сам решит, что делать.

Он посмеивается, и в этом звуке — холодная насмешка.

— А я и не говорю, что он маленький по возрасту, — голос становится жёстче, острее. — Он маленькая пешка по возможностям во всей Испании. — Он наклоняется вперёд, локти на коленях, пальцы сплетены. — По поводу твоего отношения. Ты имеешь. Ты его дочь. Ты — мой невероятно красивый и дорогой рычаг.

Ванесса сжимает челюсть так, что зубы скрипят.

— Я не буду шантажировать отца.

— Я не прошу тебя шантажировать. — Дрейк качает головой. — Я даю тебе выбор.

Он встаёт. Огромный, почти под потолок. Подходит к ней, останавливается в двух шагах. Она не отступает.

— У тебя есть сутки. Двадцать четыре часа. Либо ты приходишь ко мне в небоскрёб и какое-то время проводишь со мной, — он делает паузу, — либо с твоим отцом что-то случится. Он уже перешёл черту. Я не буду его предупреждать. Ты станешь его предупреждением.

Она смотрит на него снизу вверх. Внутри — ярость, смешанная с ужасом. Он говорит это ровно, без угрозы — как факт. Как будто уже всё решил.

— Ты не посмеешь, — шепчет она.

— Я посмею. — Он наклоняет голову, и шрам на его носу ловит свет. — Ты уже видела, что я могу. Удар, — он касается своей челюсти, — был достойным. Но он ничего не меняет.

Она хочет ударить его снова. Хочет закричать. Но внутри неё — странная тишина. Она чувствует, что он прав. Он может. И если она скажет «нет», он сделает так, что её отец исчезнет.

— Какое-то время — это сколько? — выплёвывает она, чётко, как отбивает удары о грушу. — Мне нужны рамки.

— Хм, — он усмехается, — я ещё не решил, Белоснежка.

А я так понимаю, ты уже задумалась над моим предложением.

Прозвище вливается в неё, как заноза. Белоснежка. Белая клетка. Белая маска. Белая ложь, которую он увидел насквозь. Она сжимает кулаки, чтобы не огрызнуться.

— Почему я? — выдыхает она. — Почему ты не мог просто... просто приказать ему?

— Потому что он будет слушать только тебя, — Дрейк делает шаг назад, давая ей воздух. — И потому что я хочу знать, способна ли ты на что-то, кроме ударов.

Она не отвечает. Она стоит, сжав кулаки, и чувствует, как внутри неё поднимается что-то новое. Не страх. Не ярость. А странное, холодное, как сталь, понимание.

Я ударила его, и он не сломался. Он встал и улыбнулся. Я могу ударить его снова. Но он всё равно будет стоять. Я должна стать сильнее. Должна превзойти его. Должна найти ту силу, которую всегда прятала.

Дрейк идёт к выходу. У порога он оборачивается — и смотрит на неё через плечо.

— Сутки, Ванесса. Завтра в это же время я буду ждать тебя у моего небоскрёба, в деловом квартале на север от площади Кастилии. Или не буду. Выбор за тобой.

Он не ждёт ответа. Он просто уходит.

Дверь закрывается, и в квартире становится тихо. Слишком тихо.

Ванесса падает на белый диван, смотрит на свои руки. На

чёрные бинты. На шрамы, которые они скрывают.

Я должна стать сильнее, — думает она. — Я должна стать такой, чтобы его выбор оказался ошибкой.

Глава 5

Она не спит почти до утра.

Лежит на белом диване, глядя в белый потолок, и прокручивает в голове каждое его слово. Каждый жест. То, как он сидел на её диване, положив ногу на ногу, — расслабленный, властный, чужой. То, как он назвал её «Белоснежкой». Как будто он видел её насквозь. Как будто он знал, что белый цвет — это не её выбор.

Она злится. Она хочет ненавидеть его. Но внутри, под слоем ярости, — что-то другое. Любопытство. Он сказал, что она способна на что-то, кроме ударов. Он сказал, что хочет увидеть, что она может. И она хочет увидеть, что она может. Что она почувствует. Проснётся ли наконец.

Она поворачивается на бок, смотрит на свои руки. На чёрные бинты, которые она так и не сняла. На шрамы, которые они скрывают, ведь видит она их даже сквозь бинты.

Я иду к нему не ради отца, — думает она. — Я иду ради себя. Чтобы узнать, кто я, когда я не дочь судьи. Когда я не та, кто улыбается и молчит. Я иду, чтобы увидеть, могу ли я

быть сильной не только в этой квартире, но и в его мире.

И это решение — её первое за долгие годы. Она чувствует его внутри, как холодную сталь. Она улыбается в темноте.

Утро. Она не едет к отцу. Впервые за долгое время она не надевает маску «идеальной дочери». Она просто наматывает боксерские бинты, но уже не как медитацию, а как разогрев перед боем.

Тренер тоже уже пришел, как она и попросила. Он видит её, когда она входит, — видит в её глазах что-то новое. Что-то, чего не было раньше. Она не говорит ему о Дрейке. Она просто подходит к груше и начинает бить.

Удары — не как раньше. Они тяжелее, злее, точнее. Она вкладывает в них не боль — она вкладывает решение.

— Что случилось? — спрашивает он, когда она останавливается, тяжело дыша.

— Я сделала выбор, — говорит она. — Сама.

Он смотрит на неё долго, прищурившись. Потом медленно кивает.

— Ты знаешь, что клетка открывается только изнутри, — говорит он тихо. — Ты можешь войти в любую клетку. Но если ты не будешь помнить, что дверь открыта, ты останешься в ней навсегда.

Она смотрит на него. Он прав. Идти к нему — не значит сдаться. Это значит войти в его мир, но не потерять себя.

— Спасибо, — шепчет она.

Он не отвечает. Просто смотрит, как она уходит.

Четыре часа дня. Она на своей машине.

Додж Демон — чёрный, низкий, злой — рычит на парковке у её дома. Она любит эту машину. Она купила её сама, на свои деньги, без отца. Это единственное, что она выбрала по-настоящему.

Она садится за руль, проводит рукой по рулю, чувствуя вибрацию двигателя. Машина — продолжение её. Такая же быстрая, такая же опасная, такая же недооценённая.

Она решает заехать в магазин. Она не знает, сколько продлится это «какое-то время». Но она знает одно: если она будет ходить в его доме в чём-то, что он выбрал, она будет чувствовать себя гостьей. А она не хочет быть гостьей. Она хочет быть той, кто приходит и забирает.

Она покупает три вещи. Короткое чёрное платье с открытой спиной. Шёлковую комбинацию, почти прозрачную. И красное бельё. Тот цвет, который он назовёт «твоя броня». Она платит за них своей картой, чувствуя, как в груди поднимается странное волнение.

Он думает, что я приду как жертва. Он ошибётся.

Вечер. Она стоит перед зеркалом в своей квартире.

Платье. Чёрное, облегающее, с коротким рукавом. Чёр-

ные колготки, плотные, матовые. Чёрные бинты на запястьях. И красные туфли на шпильке — её любимые, её изюминка. Она берёт маленькую красную сумку в тон туфлям, кладёт туда телефон и карту. И на мгновение задумывается.

Она не берёт с собой купленные вещи. Она оставляет их дома.

Если я приду с ними, он будет знать, что я готовилась. А я хочу, чтобы он гадал. Я возьму его рубашки. Я буду ходить в них по его дому, и он будет смотреть на меня и не понимать, что происходит.

Она улыбается своему отражению.

— Ты не знаешь, что начал, Дрейк, — шепчет она.

Ночь. Она выходит из квартиры, закрывает дверь и спускается вниз. Её Додж Демон ждёт у подъезда — чёрный, низкий, пульсирующий.

Я не боюсь тебя, — думает она. — Ты показал мне свою

пустоту. А я покажу тебе свою силу.

Она нажимает на газ, и Додж срывается с места. Город проносится мимо — огни, тени, лица, которые она не замечает. Она едет в деловой квартал на север от площади Кастилии. К его небоскрёбу. К его миру.

Впервые в жизни она делает выбор сама. И этот выбор — войти в его клетку и перекрасить её в свой цвет.

Дрейк ждёт её у входа в небоскрёб. Он не стоит у дверей — он стоит в вестибюле, у стойки охраны, спиной к стеклянным дверям. Он смотрит на часы. Сутки почти истекли. Он почти решил, что она не придёт.

И тут он слышит звук. Низкий, тягучий рык мотора, который не вписывается в тишину делового квартала. Дрейк поворачивается к стеклянным дверям — и замирает.

Додж Демон летит прямо на них. Машина не сбавляет скорость. Она врывается в стеклянные двери, и те взрываются тысячами осколков, разлетающихся по мраморному полу вестибюля. Брызги стекла сверкают в свете люстр, падают на капот, на крышу, на асфальт. Додж въезжает в вестибюль и медленно катится по мраморному полу, оставляя за собой след из битого стекла и тишины.

Охрана шарахается в стороны, один из охранников хватается за кобуру, но Дрейк поднимает руку — стоп. Он смотрит, как машина останавливается в десяти метрах от него.

Она выходит из машины. Медленно. Спокойно. Как будто разбивать стеклянные двери на Додже — самое нормальное, что она делала сегодня. Осколки хрустят под её красными туфлями.

Чёрное платье. Чёрные колготки. Чёрные бинты на запястьях. И красные туфли на шпильке, которые цокают по мрамору, когда она идёт к нему.

Дрейк не двигается. Он смотрит на неё, на машину, на осколки стекла, разбросанные по полу.

Я думал, она придёт как жертва, — проносится в его голове. — Я думал, она будет бояться. А она разбила мои двери и въехала в мой вестибюль как королева. Она не боится меня. Она пришла не ради отца. Она пришла, потому что выбрала.

Она останавливается перед ним, поднимает голову, смотрит в его глаза, ее глаза ледяные, спокойные, без страха.

— Ты сказал, что я могу войти в твой мир, — говорит она.

— Я здесь.

Он смотрит на неё. На осколки стекла у её ног. На её красные туфли. На чёрные бинты, которые она не сняла.

— Белоснежка, — говорит он тихо, почти шёпотом. — Ты даже не представляешь, что только что сделала.

Она улыбается. Не той дежурной улыбкой, которую она носит для отца. А настоящей — опасной, тёмной, живой.

— Я только начинаю, Дрейк.

Он смотрит на неё, и его глаза — тёмные, почти чёрные — впервые за долгие годы наполняются чем-то, кроме пустоты. Он смотрит на осколки стекла, разбросанные по полу вестибюля, и понимает: она не просто вошла. Она ворвалась. И его мир больше не будет прежним.

Начиная идти дальше в сторону лифтов, она останавливается, поворачивается к охране и мило говорит — Зайчик, будь другом, припаркуй мою машинку на парковку, пожалуйста рядом с его машиной. — Бросая ключи одному из охранников на которого у нее упал взгляд, она мило поворачивается на Дрейка и говорит — Мы так и будем тут стоять?

Она шла к лифту, не оглядываясь. Её красные туфли цокали по мрамору, осколки стекла хрустели под ними.

Дрейк смотрел ей в спину. Он чувствовал, как внутри него поднимается что-то, чего он не чувствовал годами.

Один из его людей, стоящий у стены, негромко сказал другому:

— Ненормальная. Кто она вообще такая, чтобы так себя вести?

Дрейк замер.

Он медленно повернулся. Его глаза — чёрные, пустые — смотрели на того, кто это сказал. Мужчина побледнел, попятился, но Дрейк уже шёл к нему.

— Что ты сказал? — спросил Дрейк, и его голос был тихим, почти шёпотом.

— Я... я ничего, босс...

Дрейк схватил его за горло, прижал к стене, приподняв над полом. Его лицо ничего не выражало.

— Она — не ненормальная. Она — та, кто сломала мне нос. Она — та, кто вошла в мою жизнь и перевернула её. Если ты ещё раз скажешь о ней что-то подобное, я убью тебя. Не предупреждая. Просто убью.

Он отпустил его, и мужчина упал на колени, хватая ртом воздух.

Дрейк развернулся и пошёл к лифту, где Ванесса стояла, глядя на него. Она видела всё. Она видела его лицо, его глаза, его потерянный контроль.

Она не испугалась.

Она посмотрела на него, и в её глазах было что-то новое.

— Ты не должен был этого делать, — сказала она.

— Я знаю, — он подошёл к ней, встал рядом. — Но я бы сделал это снова.

Двери лифта закрылись за ними, оставляя за спиной тишину и страх в глазах его людей.

Глава 6

Лифт закрывается за ними, и тишина становится густой, как смола.

Она стоит к нему спиной — или почти спиной, чуть повернув голову в сторону зеркальной стены. Её отражение смотрит на его отражение. Она молчит. Он тоже молчит. В динамике играет тихая музыка, которую он сам выбрал для этого лифта, но сейчас она кажется слишком громкой, слишком навязчивой.

Он не отводит взгляда от её отражения. Она стоит ровно, руки свободно опущены, и он замечает — она не сжимает кулаки. Она не боится. Она ждёт.

— Ты всегда разбиваешь чужие двери? — спрашивает он, нарушая тишину, и его голос звучит в лифте слишком низко, слишком ровно.

Она не поворачивается.

— Только когда чужие двери стоят на моём пути.

Он усмехается. Она слышит это — лёгкий, почти беззвучный смешок, но он есть.

— Ты знаешь, что я мог бы тебя просто... не пустить?

— Но ты пустил. — Она наконец поворачивается к нему, и их взгляды встречаются в зеркальной стене. — Ты дал мне выбор. Я сделала его. Теперь ты не имеешь права отступить.

Он смотрит на неё. Тёмные глаза впиваются в её отражение, как будто он пытается прочесть её мысли. Но она не даёт ему этого. Она просто улыбается — той же опасной улыбкой, что у входа.

— Отступить? — переспрашивает он тихо. — Я не отступаю, Белоснежка. Я всегда иду до конца.

В его голосе — предупреждение. Вызов. Она принимает его, не моргнув.

Лифт останавливается. Двери открываются, и он пропускает её вперёд — жестом, который едва заметен. Она выходит первой, и он смотрит ей в спину, на то, как чёрное платье обтягивает её плечи, как она ступает на чёрный камень его пентхауса.

Она останавливается в центре гостиной.

Вокруг — чёрный диван посреди комнаты, бар в углу, панорамные окна в пол, за которыми город мерцает внизу. Её квартира — белая клетка. Его — чёрный замок. Она чувствует разницу. И не показывает, что впечатлена.

Он проходит мимо неё, обходит диван, садится в кресло напротив панорамного окна. Жестом приглашает её сесть.

Она не садится.

Вместо этого она обходит комнату — медленно, изучая его мир. Проводит пальцем по спинке дивана, по стене, по краю барной стойки. Он следит за ней глазами, ни на секунду не отрываясь.

— Ты выглядишь как королева в моём замке, — говорит он, и в голосе — не насмешка, а странная, почти неуверенная, тихая усмешка.

Она поворачивается к нему, подходит ближе. Останавли-

вається в полуметре от его кресла, смотрит сверху вниз.

— Ты думал, я буду бояться твоего величия?

— Я думал, ты хотя бы удивишься.

— Я удивлена, — говорит она, и её голос становится тише, почти шёпотом. — Ты живёшь в крепости, но в ней нет ничего, кроме пустоты. Твоя квартира — как ты сам. Идеальная оболочка без содержания.

Он поднимает глаза на неё, и на секунду в его взгляде — что-то похожее на боль. Но он гасит это в ту же секунду.

— Ты пришла сюда, чтобы анализировать меня?

— Я пришла сюда, чтобы понять, кто ты на самом деле.

Она делает ещё один шаг вперёд, приближаясь к нему на расстояние дыхания. Он сидит, она стоит, он вынужден смотреть на неё снизу вверх — и это непривычно для него.

— Сядь, — говорит он, и голос становится твёрже.

— Мне так удобнее.

Она наклоняется к нему, кладёт руки на подлокотники его кресла, по обе стороны от него. Он чувствует её запах — терпкий, тёмный, не её. Она окружает его собой.

— Ты сказал, что хочешь увидеть, что я могу, — говорит она шёпотом. — Вот что я могу.

Он задерживает дыхание. Это длится всего секунду — но в этой секунде он понимает, что она не играет. Она действительно способна на то, чего он не ожидал.

— Хочешь поиграть в доминирование? — Он поднимает руку и касается её лица, чуть касаясь кончиками пальцев щеки. — Будь осторожна, Белоснежка. Я могу не остановиться.

Она отстраняется, выпрямляется. И на её лице — лёгкая, едва заметная улыбка.

— Я и не прошу тебя останавливаться, — говорит она.

Она отходит на два шага, подходит к его барной стойке, достаёт бутылку виски, наливает себе два пальца. Смотрит на него через плечо.

— Я сделала свой выбор, Дрейк. Я вошла в твою клетку. Но это не значит, что я останусь в ней. Это значит, что я

собираюсь перекрасить её в свой цвет.

Она поднимает бокал в его сторону, как тост, и делает глоток.

Он сидит неподвижно, и в его голове — только одна мысль.

Кто ты? Ты ворвалась в мой мир, разбила мои двери, выпила мой виски и сказала мне, что я пустой. А теперь ты делаешь первый шаг. И я хочу знать, что будет дальше. Я хочу чувствовать это. Живое.

Он встаёт, подходит к ней, забирает бокал из её рук и делает глоток из того же места, где она пила. Медленно, глядя ей в глаза.

— Ты хочешь перекрасить мою клетку, Белоснежка? — он ставит бокал на стойку. — Тогда покажи мне, как ты это делаешь.

Глава 7

Он ставит бокал на барную стойку, и тишина между ними становится плотной, как стена. Она смотрит на него снизу вверх, в её глазах — вызов, смешанный с чем-то ещё, что он не может прочесть. Он чувствует её запах, её близость, её присутствие — и внутри него поднимается что-то новое.

Она отступает от него на шаг, отходя от барного островка, проводит пальцем по его краю, осматривается. Гостиная округлая, панорамные окна по дуге, город внизу. Диван и несколько кресел расставлены в хаотичном порядке — не по правилам, а как ему захотелось. Телевизор на полстены. В углу — барная стойка с небольшим островком.

Слева от островка — широкая арка, ведущая в кухню. Не спеша проходя на кухню, видит прямоугольный стол с острыми углами и восемь разных металлических стульев, кухонную зону во всю стену от самой арки и до угла: холодильник, плита, шкафы.

— У меня одна спальня, — говорит он, стоя в арке между гостиной и кухней. — И здесь нет дверей. Нигде. Даже в ванную. Если хочешь уйти — дверь только одна, она внизу,

и то ты её снесла. Но я не держу тебя.

Она поворачивается к нему, смотрит в глаза.

— Я знаю. Ты даёшь мне выбор. Я уже сделала его.

Она подходит ближе, останавливается в двух шагах от него.

— Будем спать вместе.

Он смотрит на неё секунду. И кивает.

Осмотрев спальню, в которой стоит только одна огромная кровать, сделанная похоже на заказ, так как один угол срезан, три тумбочки с трёх сторон кровати и телевизор, она прошла в следующую комнату — гардеробную. Там всё идеально. В центре стоит круглый шкаф с стеклянными дверцами, шкаф от пола до потолка, сверху висят варианты рубашек, футболок, лонгсливов, пиджаков. Чуть ниже — разные штаны, от спортивных до классических. А в самом низу — несколько полок с различной обувью. В углу висят крытые полки, но она не стала туда лезть. Всё осмотрев, она возвращается на кухню.

Она не смотрит на него, когда идёт к кухонному столу. Она просто садится, ставит локти на чёрный гранит и смотрит.

рит в окно. Он наблюдает за ней из тени арки между гостиной и кухней. Она не оборачивается.

— Уже поздно, почему не ложишься спать, — говорит он через несколько минут.

— Я не хочу спать.

— Почему?

— Я пришла сюда, чтобы увидеть, кто ты на самом деле — говорит она, поворачивая голову к нему. — А ты стоишь в углу и играешь в хозяина положения. Сядь. Поговори со мной.

Он усмехается, но подходит. Садится напротив. Кладёт руки на стол, переплетает пальцы.

— Ты хочешь знать, кто я, Белоснежка? — спрашивает он. — Ты готова услышать?

— Я пришла сюда добровольно. Я не боюсь твоих слов.

Он смотрит на неё долго. Внутри — привычная тяжесть, которую он носит уже десять лет. Он никогда не рассказывал эту историю никому. Но она сидит перед ним, смотря на него

своими ледяными глазами, и внутри что-то ослабевает.

— Мой брат, — начинает он, и голос становится глубже, тише, тяжелее. — Мы были близки. Он был моим лучшим другом. Я доверял ему больше, чем себе. Но потом он встал на сторону тех, кто хотел меня уничтожить. Он предал меня. Я не хотел этого делать, но у меня не было выбора. Он пришёл за мной. Он хотел убить меня. И я... я убил его первым. Своими руками.

Он замолкает. Тишина становится густой. Она не отводит взгляда.

— Ты не хотел этого делать, — говорит она тихо.

— Это не оправдание.

— Это не оправдание, — соглашается она. — Но это объяснение.

Он смотрит на неё, и в его глазах — пустота, смешанная с болью, которую он никогда не показывает. Но она это замечает.

— С тех пор я не сплю. Потому что когда я закрываю глаза, я вижу его лицо. Каждую ночь. Десять лет.

Она молчит. Просто сидит напротив, не отводя взгляда. Она не говорит «мне жаль», не пытается утешить. Она просто принимает его слова как факт. И он чувствует, что это — больше, чем любое сочувствие.

— Ты поэтому такой? — спрашивает она через минуту. — Ты пытаешься заполнить эту пустоту властью, деньгами и силой. Чтобы не чувствовать боль.

Он смотрит на неё, и в его глазах что-то меняется. Она увидела то, что он прятал годами.

— А ты? — спрашивает он, переводя разговор. — Почему ты не спишь?

Она смотрит на него, и в её глазах — ледяная стена. Она не готова открываться. Не сегодня.

— Я сплю, — говорит она. — Но я тоже ношу своё.

Он кивает. Не настаивает. Чувствует её границу и уважает её.

Тишина между ними становится плотной, почти осязаемой. Она смотрит на него из-за стола, и в её взгляде — лю-

бопытство.

— У тебя целый небоскрёб, — говорит она, нарушая тишину. — Три этажа только для тебя. Я видела только один. Что на остальных?

Он поднимает на неё глаза. Она видит, как он колеблется. Он не любит говорить о себе. Но она смотрит на него так, как будто ей действительно важно знать.

Он медленно выдыхает.

— Восемьдесят восьмой, где мы сейчас. Моё личное пространство. Никаких дверей — только открытые пространства, разделённые светом и покрытием пола. — Он делает паузу, и его голос становится глубже. — Я спроектировал всё сам. Чёрный шёлк, матовая сталь, стекло. Ни одной светлой детали.

— Почему?

— Потому что светлые стены — это ложь, — отвечает он. — Они делают вид, что всё хорошо. А я не умею притворяться.

Она молчит, и он продолжает, как будто его прорвало.

— Кухня — идеальный порядок. Холодильник, плита, шкафы. Стол с острыми углами. Я никогда не сажусь за него один. Я ем у стойки. — Он смотрит в сторону, и в его голосе появляется странная хрипота. — Но я всегда накрываю на троих.

— На троих? — переспрашивает она.

Он встречает её взгляд. В его глазах — боль, которую он не пытается скрыть.

— Моя мать умерла, когда мне было пятнадцать. Брат — два года спустя. Я убил его. — Он говорит это ровно, но она слышит, как его голос дрожит. — Я всегда накрываю на троих. Я знаю, что они никогда не сядут рядом со мной. Но я не могу перестать.

Она не отводит взгляда. Она не говорит «мне жаль». Она просто слушает, и он чувствует, что это — больше, чем любое сочувствие.

— Восемьдесят седьмой этаж, — продолжает он. — Бассейн. Холодный, тёмный. Я прихожу туда, когда не могу дышать. Ныряю, пока лёгкие не отказываются принимать воздух. Чтобы напомнить себе, что я ещё жив.

— А если бы ты не вынырнул?

Он смотрит на неё, и в его глазах — тишина.

— Раньше мне было всё равно. Теперь — нет.

Она чувствует, как его слова входят в неё.

— Восемьдесят шестой, — говорит он. — Тренировочный зал. Там я снимаю маску. Бью грушу, пока мышцы не начинают гореть. Я вкладываю в удары не злость. Я вкладываю память. Брат. Лицо. Кровь.

— Ты говоришь об этом так, как будто это твоё наказание.

— Это моя цена, — отвечает он. — За то, что я сделал. За то, что я стал.

Она смотрит на него, и в её глазах — не страх, не жалость. Понимание.

— А восемьдесят пятый?

Он усмехается — коротко, без веселья.

— Кабинет. Чёрное дерево, чёрная кожа, чёрный камень на полу. Огромный стол, цвета пролитого вина. Там я решаю, кто живёт, а кто умирает. Там я строю свою империю.

— Там ты чувствуешь себя живым, — говорит она, и это не вопрос.

Он смотрит на неё, и в его глазах — что-то новое. Она увидела то, что он прятал годами.

— Да, — говорит он тихо. — Там я чувствую себя живым.

Она молчит, переваривая услышанное. Потом тихо говорит:

— Ты показал мне свой пентхаус. Ты не прячешь меня от себя. Но я чувствую, что это — не всё.

— Что ещё ты хочешь знать?

— Что на этажах под восемьдесят пятым?

Он смотрит на неё, и в его глазах — тень.

— Там — офисы. Сорок этажей бизнеса, который я построил. Двадцать этажей апартаментов, которые я сдаю. Лю-

ди живут там, работают, зарабатывают деньги. И они даже не знают, что над ними — я. Что я смотрю на них сверху вниз и решаю, кому жить, а кому умереть.

— Это одиночество, — говорит она.

Он смотрит на неё, и на секунду в его взгляде — что-то похожее на боль.

— Это власть, — отвечает он.

— Нет, — она качает головой. — Это одиночество. Ты стоишь на вершине и смотришь вниз, но рядом с тобой никого нет. Ты построил себе замок, но в нём нет жизни. Только пустота.

Он молчит. Она видит, как его челюсть сжимается, как он пытается взять себя в руки.

— Ты права, — говорит он наконец. — Это одиночество. Но я не знаю, как по-другому.

Она смотрит на него, и внутри неё поднимается что-то новое.

— Может, тебе не обязательно знать, — говорит она. —

Может, тебе достаточно просто не быть одному.

Он смотрит на неё, и в его глазах — не пустота. Что-то новое. Что-то, что он не может назвать.

— Я пытаюсь, — говорит он.

— Я знаю, — отвечает она.

— Ты поэтому такой? — спрашивает она через минуту.
— Ты пытаешься заполнить эту пустоту властью, деньгами и силой. Чтобы не чувствовать боль. — Она это говорит как констатацию факта, а не в вопросительной форме.

Он смотрит на неё, и в его глазах что-то меняется. Она увидела то, что он прятал годами.

— А ты? — спрашивает он, переводя разговор. — Почему ты не спишь?

Она смотрит на него, и в её глазах — ледяная стена. Она не готова открываться. Не сегодня.

— Я сплю, — говорит она. — Но я тоже ношу своё.

Он кивает. Не настаивает. Чувствует её границу и уважает

её.

— Я пойду покурю, — он встаёт и уходит, не получив ответа или одобрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.